

ВИ. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 930.1

Н.М. Морозов

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ТИП РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Российскую цивилизацию отличает мобилизационный тип развития, отдельные компоненты которого выделены из отечественного историографического наследия и систематизированы. Установлено, что их постоянное воспроизводство обеспечивается в рамках экстенсивных форм и методов хозяйствования, доминирования приоритетов государства – державы и компенсационной системы как выработанного многими поколениями инструментария «перенастройки» социума к чрезвычайным условиям жизнедеятельности.

Ключевые слова: российская цивилизация, мобилизационный тип развития, экстенсивность, державность, компенсационная система

Исследователи истории России всё чаще обращаются к специфичным, постоянно воспроизводимым признакам динамичного состояния систем её цивилизации, которые отличают данное мега-сообщество от остальных. К настоящему времени проблемы их идентификации (включая взаимосвязанные экономические, управленческие, духовные и другие компоненты) реализуются с помощью формационного, модернизационного, миросистемного и цивилизационного подходов, претендующих на определённую порцию успеха в адекватном отражении исторической действительности. Вычленение их слабых и сильных сторон, анализ вклада каждого в более глубокое проникновение к истокам отдельных явлений прошлого или настоящего, попытки сопряжения указанных подходов свидетельствуют о терпеливом поиске со стороны учёных технологий методологического синтеза [1] и общих системообразующих оснований в интерпретации жизнедеятельности разновозрастных суперэтнических структур. Одним из таких оснований является тип развития локальной цивилизации. В гуманитаристике в качестве посылки к широкому использованию транслируется утверждение о том, что западноевропейская и российская цивилизации в периоды своего становления сменили эволюционный тип развития на инновационный (Запад) и мобилизационный (Россия) [2. С. 138]. В отечественной историографии изучение процессов и явлений, связанных с обоснованием причин использования и смыслов «мобилизационной» терминологии, активизировалось с начала 90-х гг. XX в. Благодаря историкам и философам дореволюционного, советского и постсоветского периодов, чьи научные интересы в явном или неявном виде находились в проблемном поле

российской цивилизации, накопилась критическая масса знаний и фактов, свидетельствующих о её самодостаточности и уникальности, не поддающейся нивелированию по образцам других цивилизаций. На этой основе сформировалась и гипотеза о мобилизационном типе развития (МТР) России, которая в постановочном варианте была представлена в статье историка А.А. Галкина [3], в концептуальном виде более детально изложена в монографии экономиста А.Г. Фонотова [4] и получила дальнейшее обоснование в трудах политолога О.В. Гаман-Голутвиной [5], философов А.В. Лубского [6] и Ю.В. Олейникова [7], в кандидатской диссертации по политологии В.П. Никифорова [8].

Утверждения авторов строятся на основе общего постулата о том, что для крупных сообществ характерны свои, обусловленные комплексом детерминирующих факторов специфические соотношения между потребностями и условиями развития. Их пространственно-временную динамику О.В. Гаман-Голутвина определяет как историческую тенденцию, означающую конкретный тип развития [5. С. 27]. Указанная интерпретация созвучна поясняющему тезису А.Г. Фонотова, согласно которому «... эти потребности и условия воспринимаются строго определённым для данного типа развития образом, который, закрепляясь в ходе человеческого развития в конкретных социальных институтах, воспроизводится через систему этих институтов, обуславливая поведение системы в новых обстоятельствах» [4. С. 47].

Этимология термина «мобилизация» в зависимости от приложения к различным сферам деятельности (хозяйственной, политической и другим) была рассмотрена С.Н. Ушаковой. В целом,

выявленные смыслы поглощаются процитированной автором универсальной формулировкой: «приведение кого-либо или чего-либо в активное состояние, сосредоточение сил и средств для достижения какой-либо цели», в согласии с которой она считает, что советское государство «...строило свои отношения с обществом по мобилизационному типу. Социальная мобилизация являлась основным фактором экономического, социального, политического и культурного развития страны, во всяком случае до первой половины 1950-х гг. ...» [9]. В историографическом обзоре темы индустриализации как фактора модернизации Урала в конце 20-х – 30-е гг. XX в. С.Е. Алексеев и В.Д. Камынин замечают, что это утверждение поддерживают и сторонники модернизационной интерпретации истории. В своих работах они подчеркивают, что основу российской цивилизации составляет мобилизационный тип развития [10. С. 31]. Лаконично и ёмко выразил смысл указанного понятия А.Г. Фонов, определяя МТР как «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм» [4. С. 71]. Мы полагаем, что эту дефиницию целесообразно дополнить двумя утверждениями. В истории России постоянно действовал компонент чрезвычайности природно-климатических условий и были периоды, когда общественные цели, средства и организационные формы не испытывали явную социальную нагрузку чрезвычайности, что не отменяло мобилизационный тип развития.

Исследователям предстоит потратить ещё много усилий, чтобы разносторонне изучить истоки феномена мобилизационного типа развития и не только в российской, но и других цивилизациях, где мобилизационные элементы в различные периоды истории имели существенное значение. Результат этой работы видится в дальнейшем теоретическом и фактологическом укреплении объяснительных процедур по поводу: распространённости западных стандартов управления, актуальности нематериальных мотивов поведения правящей элиты и населения в целом, преобладающей роли неэкономических отношений на различных этапах индустриализации и социализации природной среды России. Цель статьи заключается в определении системности мобилизационного типа развития российской цивилизации на основе выявленных в отечественной историографии фактов и суждений об условиях его формирования, движущих противоречиях, признаках и инструментах реализации. Оставляя анализ происхожде-

ния встреченных в литературе теоретических выводов на будущее, сосредоточимся на распределении по ряду оснований тех утверждений, которые у исследователей не вызывают принципиальных сомнений в своей правдивости и позволяют структурировать сущность объекта исследования. Рассматривая российскую цивилизацию как совокупность форм и способов жизнедеятельности группы этносов, составляющих отдельный суперэтнос и объединённых единым жизненным пространством, историческим временем и социально-экономическими отношениями, мы полагаем, что её становление и длительное существование оказалось возможным благодаря мобилизационному типу развития – общей тенденции адаптивных стратегий жителей Восточно-Европейской, Туркестанской, Западно-Сибирской равнин и примыкающих к ним предгорий (возвышенностей), имеющих неблагоприятные для земледелия (чаще экстремальные) внутриконтинентальные климатические условия.

Выделим условия, которые способствовали формированию и воспроизведению мобилизационного типа развития. Впервые в работах историков С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского и географа Л.И. Мечникова в дореволюционной отечественной науке был поставлен вопрос о причинно-следственных связях между биосферной средой и спецификой хозяйствования, характером государственности в России и указывалось на их безусловную корреляцию. Особое влияние на жизнь народа, по мнению С.М. Соловьёва, оказывают три фактора: «...природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают» [11. С. 18]. В советский период это направление научной мысли глубоко разрабатывалось в трудах историков И.Д. Ковальченко [12. С. 64–84], Л.В. Милова [13], А.Л. Шапиро [14], А.П. Новосельцева, В.Т. Пашута, Л.В. Черепнина [15] и других исследователей русской деревни. На основе анализа поуездной статистики XVI – первой половины XIX в. посевов на душу населения, ежегодных колебаний урожайности (с выделением засушливых лет), размеров налогов и повинностей, интенсивности труда и других показателей были выявлены скромные объёмы производства валовой продукции усреднённым крестьянским двором в европейской части страны, чаще недостаточные для полноценного восполнения в комплексе его производительных сил. Основательная доказательная база сделанных выводов и их прогностический потенциал, без особых противоречий экстраполируемый на более

поздние периоды истории, явились фундаментом для современной историографии по мобилизационной тематике.

Преимственность на протяжении десятилетий научных взглядов, поясняющих статус ряда естественных внутренних и внешних факторов как непрерывно действующих причин трансформации социума, позволяет рассматривать их и в качестве условий, воспроизводящих мобилизационный тип развития России, перечень которых представляется следующим образом. Наличие неосвоенных территорий и природных ресурсов, как наиболее доступного и экономичного средства для временного снятия остроты видимых (осознаваемых) противоречий. Для жителей российской деревни (включая и Сибирь) они гарантировали минимальное удовлетворение жизненно важных потребностей, для торгового и промышленного капитала – получение прибыли при минимуме вложений в организацию дела, для государства – приобретение новых источников рентных платежей и усиление внешнеполитического авторитета через расширение экономически развивающегося пространства. Низкая плотность населения на единицу площади, которая, по утверждению Л.В. Милова, связана, прежде всего, «...с реальными возможностями территорий и с реальными возможностями почвы. Еще с XVII века люди сходили с мест, потому что эта земля уже ничего не давала» [16]. Исход крестьян, по мнению А.К. Соколова, представленному в том же историографическом источнике как продолжение дискуссии с Л.В. Миловым, в конечном итоге тормозил поиск новых форм производства и в этом случае процессы колонизации новых земель выступали как причина консервации экстенсивного способа производства. Русским географом П.Н. Савицким была обозначена естественная граница российской цивилизации – по нулевой изотерме января, приблизительно соответствующей западным границам бывшего СССР [17]. На запад – она положительна, а на восток – отрицательна и по мере продвижения на север и за Урал внутриконтинентальные перепады положительных и отрицательных температур усиливаются (с + 40 до – 50 град.) с доминированием по времени последних (240 – 230 дней в году). До минимума сокращается летний вегетационный период у растений. Короткий срок, отпущенный природой для земледельческих работ и сопутствующих им промыслов, предполагал высокую концентрацию коллективных усилий участников в основных хозяйственных звеньях. Стечение в отдельные годы благоприятных климатических условий ещё не гарантировало сбор большого уро-

жая в целом по стране вследствие дефицита территорий с неистощёнными чернозёмами. Пашня постоянно нуждалась в унавоживании, и этот трудоёмкий процесс в конце сезона рекультивации земли чаще заканчивался недоложением удобрений с кризисными экологическими последствиями в будущем. Перманентный дефицит совокупного прибавочного продукта [18], который сдерживал развитие города и, следовательно, третьего сословия как основы научно-культурной среды и институтов гражданского общества. Механизмы государственного управления были настроены преимущественно на использование внеэкономических методов перераспределения ресурсов, в которых также испытывал дефицит их основной поставщик – российская деревня. Интенсивное взаимодействие России с западноевропейскими странами с длительными периодами противостояния, которое можно рассматривать как диалог между двумя локальными цивилизациями, выстроенный на основе поиска решения проблем владения ресурсами и реакций их менталитетов на экспансию иных возрастных ценностей чужого суперэтнуса [19]. Начиная с XVI века, под воздействием мощных импульсов Смутного времени, и далее: Петровских реформ; активной внешней политики Екатерины II; восстания декабристов; войн 1812 г., 1853–1856 гг. 1877–1879 гг. и особенно событий XX века, власти периодически тратили гигантские объёмы продукции с целью содержания и технологического совершенствования в первую очередь военно-промышленного комплекса страны, снижая тем самым уровень потребления основной массой населения.

Как следствие фактора чрезвычайности, постоянно сопровождавшего процессы адаптации российского социума к своей природной среде и в пространстве среди других локальных цивилизаций, всегда возникала первостепенная проблема эффективной организации населения. Российская государственность, выполнявшая типичные функции обеспечения безопасности и развития своей территории, явилась, как установил А.В. Лубский, доминантной формой социальной интеграции [6. С. 24], то есть её цели и интересы определяли векторы трансформации остальных систем общества.

Именно российская государственность оказалась в эпицентре противоречий, разрешение которых через мобилизационное развитие обеспечило существование социума. Национальная модель построения и функционирования управленческих структур оказалась в причинно-следственной зависимости не только от сложившейся системы внутренних движущих сил (духовных, экономиче-

ских противоречий между различными слоями населения и других). Мощное влияние оказывало противостояние с разновозрастными цивилизациями и конфликты, которые несли с собой проникающие в российскую среду (или воспитанные в ней) носители западного утилитаризма и либерализма. Межцивилизационные противоречия дополнительно совершенствовали мобилизационные способности общества. В результате анализа действий многих поколений российской политической элиты по обеспечению своей легитимности О.В. Гаман-Голутвина установила, что центральная власть считала себя обязанной решать две дилеммы, формулируя геополитические приоритеты [5. С. 18–31] и насильственно переключая социум в режим повышенных нагрузок. Первая заключалась в осознании несоответствия между слабыми внутренними источниками развития страны и наличием агрессивных факторов внешнего «раздражения». Перманентность данной ситуации мотивировала правящий слой следовать МТР как целесообразному способу решения двух задач. Во внешнеполитической сфере – постоянному укреплению обороноспособности государства перед угрозой войны, и во внешнеэкономической – ускоренному достижению технологического паритета и экономической самостоятельности в отношении модернизирующегося Запада.

Вторая дилемма сопровождала все периоды форсирования индустриализации в стране, начиная с преобразований под руководством Петра I, Александра II, С.Ю. Витте – П.А. Столыпина, затем И.В. Сталина. Перед обществом ставились недостижимые цели (с позиции «догнать и перегнать» стандарты стран – лидеров рыночной экономики или равнения на иллюзорный образ будущего) при отсутствии требуемого качества и объёма ресурсов (финансовых, интеллектуальных, производственной инфраструктуры и иных) и зрелости внутренних условий для намеченных кардинальных перемен. В этом случае перспектива сохранения властями легитимности чаще зависела не от конечного результата, а от национально-патриотического пафоса, сопровождавшего сам процесс перемен и его промежуточные результаты, пока ключевым фигурам центральной власти удавалось удерживать управляющий слой и другие группы населения в созидаемом социальных новациях напряжении. Совокупность вышеуказанных обстоятельств, раскрывающих условия, движущие российский социум противоречия и некоторые мотивы поведения правящего слоя оказала влияние на порядок соподчинённости приоритетов в общественном сознании. На первом месте оказа-

лись приоритеты государства, далее по убыванию значимости: приоритеты духовного мировосприятия и экономико-правовые. В качестве сравнения, в западной цивилизации триада ценностей сложилась иначе: ценности личности, затем экономико-правовой сферы и духовного мировосприятия [20. С. 52].

В России чрезвычайные факторы при длительных трендах воздействия приобретали свойства системообразующих, и государство, нередко стимулируя одни секторы хозяйства, было вынуждено осуществлять дискриминацию других. Частое игнорирование со стороны властей принципа сбалансированного развития сфер жизнедеятельности приводило, как утверждает А.Г. Фомин, «...к расстройству экономических регуляторов, определяющих поведение производителей и потребителей. Чтобы этого не произошло, экономическая система мобилизационного типа должна дополняться мощной компенсационной системой, представляющей из себя совокупность таких средств и ресурсов, которые, включаясь в хозяйственную жизнь в необходимые моменты, препятствуют блокировке каналов экономического оборота ресурсов. Состыковка и подключение компенсационной системы к экономике осуществляется административно-командной системой с помощью властно-принудительных методов» [4. С. 102].

Таким образом, автор определил основные компоненты мобилизационного типа развития. Это особый тип экономики (в котором существенное значение имеют нерыночные механизмы), её компенсационная система (обеспечивающая устойчивость жизнедеятельности при агрессивном воздействии внешних факторов и представляющая собой технологию «перенастройки» социума в соответствии с чрезвычайным характером вызовов) и командно-административная система (КАС) как активный регулятор всех процессов.

В целом, предложенная теоретическая конструкция функционально поглощает смыслы многочисленной группы понятий, используемых в отечественной историографии и указывающих на мобилизационную специфику российской цивилизации. Возражение вызывает целесообразность ограничения компонента – регулятора рамками категории «командно-административная система». Её смыслы традиционно связываются только с советским периодом истории, семантическая табуированность в данном словосочетании слабо идентифицируется и априори подразумевает консервативно-угнетающее влияние некой управленческой среды на общество. В реальности регулирующую

функцию в течение многих столетий, включая и конец XX в., выполняла державная власть, имевшая на вооружении методы, относимые к КАС. Её отдельные элементы можно встретить в прошлом и настоящем других стран. В России они, в силу своей постоянной востребованности, сложились в целостную модель управления, которая постоянно воспроизводится с дозированием интенсивности и корректировкой зон приложения своего потенциала.

Обратимся к компонентам мобилизационного развития, предложенным А.Г. Фоновым, и рассмотрим основные родовые признаки соответствующей ему экономики. Одним из признаков, хорошо известным в исторической науке, но пока не ставшим объектом специального исследования, является доминирование экстенсивной эксплуатации ресурсов: земельных, минеральных, растительных и людских, предполагающей увеличение их абсолютных величин (без существенного повышения степени отдачи). Многообразие форм и способов экстенсивного производства отражало многоукладность, территориальную и стадийную дифференциацию различных сегментов хозяйственного комплекса страны и поддерживалось неисчерпанными запасами природного сырья. В отличие от цели – накопление капитала, – характерной для рыночных отношений у народов Западной Европы, хозяйство крестьянского двора в России, как основная производственная единица до 30-х гг. XX столетия, ориентировалось на достижение достатка, который восполнялся за счёт занятий земледелием, промыслами и товарообменом на ярмарках. Категория экономической достаточности подразумевает удовлетворение определённых потребностей производителя, не выходя за рамки его самообеспечения, с опорой на материально-технические возможности конкретной семьи и физические силы её членов и привлечённых работников. Трудовое целеполагание русских освящалось духовными установками на справедливость и нестяжательство [21. С. 22–23]. В данной ситуации лишние деньги чаще выполняли функцию «жира про запас» для экстренных случаев. В советское время аналогичную мотивацию имело большинство людей, работавших на предприятиях (в учреждениях), нередко восполнявших достаток с помощью приусадебного (мичуринского) участка. Достаток крестьянского двора находился в прямой зависимости от климатических условий, размеров пашни, количества рабочих рук и голов скота. Признаки интенсификации труда имели в основном временное выражение – в увеличении суточного рабочего времени, в сжатости сроков сельскохозяйственных работ. При избытке этих

ресурсов эффективность экстенсивного развития могла быть высокой. Так, подсечное земледелие, требующее через каждые 3–4 года смены места для посева зерна, давало в XV в. выше урожайность (до сам-30), чем, например, технологически более сложное трёхполье (сам-3 – сам-6) [22. С. 90], предполагающее интенсивное использование рабочего скота, соблюдение севооборота и многократной пропашки, вложение органических удобрений. С сокращением свободных плодородных угодий и лесов для пала хозяйство крестьянского двора в европейской части России стало менее результативным, и средний уровень урожайности (сам-3 – сам-5) был законсервирован в экстенсивной по своей сущности среде крепостничества.

Развитие промышленности в рамках феодальной мануфактуры, а затем (со второй половины XIX в.) и капиталистического расширенного воспроизводства, было также экстенсивным [23]. Результаты индустриализации находились в прямой зависимости от роста численности городского населения, от увеличения масштабов не только механизации, но и тяжёлого мускульного труда. Типичная уже для советской экономики оценка развития по росту валовых показателей производства стимулировала повышение его капиталоемкости, увеличение объёмов добычи сырья и его первичной переработки. Техническое перевооружение как фактор интенсификации чаще вело не к сокращению, а к созданию дополнительных рабочих мест. Выпуск новой продукции длительное время оставался в пределах первоначальных показателей качества. Представленные из историографических источников суждения о потребностях и условиях развития российского общества указывают на то, что экстенсивные формы и способы эксплуатации ресурсов демонстрировали эффективное (для своего времени) управление с позиции экономного расходования аккумулированных в обществе природного вещества и энергии в виде финансов, управленческого потенциала и других социальных феноменов в условиях дефицита прибавочного продукта. Они были достаточны для поддержания состояния самообеспечения на уровне страны, общины или семьи, но имели пределы динамизма качественных изменений социума, которые делали уязвимой, в первую очередь, сферу безопасности. В геополитическом отношении стратегическое значение экстенсивной экономики как поставщика большой массы ресурсов в качестве главного аргумента силы, к середине XIX столетия, в период становления в Западной Европе второго технологического уклада, изменилось. Исход противостояния между цивилизациями на необозримую

перспективу был поставлен в зависимость от первенства в получении структурно-экономических и военно-технических дивидендов при переходе общества к очередному новому технологическому укладу. Одним из основных родовых признаков мобилизационной экономики в России является собственность государства на природные ресурсы, и, как следствие, приоритет интересов державной власти (как распорядителя собственности) во всех вопросах внутренней политики [24]. Государство сформировалось и как доминирующий субъект экономики, и как доминирующий субъект неразделённой с гражданским обществом власти.

Гипертрофированная в российской среде оценка его возможностей довела в XX в. до абсолютизации значение планово-регулирующей деятельности всех сфер жизни на основе директивности и требований соблюдения соответствия плановых и фактических валовых показателей [25], что усиливало эффект экстенсивности. Только центральная власть как фактический владелец ресурсов имела объективные данные быть инициатором и полноценным участником в реализации крупных хозяйственных проектов или социально значимых реформ и становилась таковой. Поэтому качественные особенности мобилизационной экономики в том или ином периоде истории страны обуславливались не только внутренними источниками её развития, но и реакцией центральной власти и правящего слоя на процессы, происходящие как внутри общества (включая расстановку сил в собственном окружении), так и во внешнем мире. Отсюда в отечественной историографии периодизация политической истории страны в основной хронологии совпала с периодизацией экономической истории. Современные исследователи нередко проводят сопоставление между выявленными тенденциями в трансформации экономики и последовательным чередованием политических реформ и контрреформ. Реформами В.И. Панин и В.В. Лапкин называют «... не просто изменение системы государственного управления (подобное происходило в России практически при всех режимах – от Ивана Грозного до Петра I или Сталина), а по преимуществу либерализацию политической и экономической жизни, на основе которой происходят дифференциация и усложнение политической системы как таковой» [26]. Например, в XX веке периодами реформ авторы считают: 1905–1911 гг., 1922–1927 гг., 1956–1958 гг., с 1985 г. и далее, за ними следовали непродолжительные в 3 – 5 лет переходные фазы, и затем контрреформы: 1929 – 1953 гг., 1971 – 1982 гг. Смысл контрреформ В.Т. Рязанов сформулировал

как «... некие преобразования с нерыночной ориентацией, корректирующие предыдущую фазу в соответствии с имеющимися внутренними и внешними ограничителями, или смену на более приемлемый вариант рыночного хозяйствования, отличный от существующих в мировой экономике образцов». И далее исследователь отмечает присутствие двух существенных мотивов: реставрационный, «... связанный с определенными настроениями в обществе и социально-политическими силами, делающими ставку на обновление ушедшей в прошлое модели хозяйствования, приспособлением ее к новым условиям; второй мотив связан с выработкой альтернативного курса экономического реформирования» [27].

Следующим компонентом мобилизационного развития по уточнённой нами схеме А.Г. Фомотова является державная власть. Её российский вариант характеризуется такими известными понятиями, как этатизм (фр. *etat* – государство), иерархичность в построении вертикали власти и сакральность центральных органов управления [28]. Их базовые смыслы с течением времени в отечественной историографии не претерпели существенных изменений, отражая исторический опыт управленческой элиты по всестороннему охвату населения административной опекой. На первом месте стояли контроль и поддержание (в меру существующих возможностей) всех значимых для государства процессов жизнедеятельности подданных, не исключая социальной и иной помощи в духе патернализма [29].

Державность как сущность государственности обеспечила, по нашему мнению, преемственность сменяющих друг друга типов власти в России: самодержавия (до 1917 г.), идеодержавия (с 1917 по 1991 г.) и демодержавия (после 1991 г.). Основным отличительным признаком указанных модификаций стали главные фигуры центральной власти: монарх (император), Генеральный секретарь ЦК КПСС (секретарь ВКП(б)), и затем всенародно избранный Президент (СССР, РФ), имевшие различные основания занять этот пост, соответственно: по родству; по личным качествам как член высшего партийного руководства, пользующийся поддержкой со стороны его большинства; по личным качествам как член ближайшего окружения предыдущего Президента или лидер авторитетной политической силы, прошедший демократическую процедуру выборов. Исходя из природы российской державности, их объединяет влияние на индивидуальный стиль руководства общей специфики авторитарного управления, опирающейся на востребованность жёсткой иерархии правящей

элиты, с помощью которой обреталась и поддерживалась легитимность [30. С. 119–120]. Положение господствующего сословия закреплялось в табели о рангах, а позже списками номенклатурных работников с автоматическим предоставлением привилегий за службу (дворянству – до 1917 г., партийно-государственному чиновничеству и директорату – после 1917 г.). Долгожительство державности стало возможным благодаря естественным внутренним и внешним факторам, которые воспроизводили мобилизационный тип развития социума и были рассмотрены выше. В её недрах был выработан, передавался и совершенствовался последующими поколениями элиты особый набор инструментов управления, эффект от которых позволял и в чрезвычайных ситуациях и в относительно спокойное время найти в мобилизационном социуме дополнительные резервы адаптации к сложившейся исторической обстановке, усиливающие сопротивляемость разрушающему воздействию со стороны внешних военных угроз и экономической интервенции. На особую роль указанного инструментария обратили в своих трудах вниманием экономисты В.Т. Рязанов [31] и А.В. Семенов [32], отметившие повторяемость управленческих стратегий властей – периоды усиления, снижения и вновь усиления жёсткости в использовании компенсационной системы, которые обуславливались причинами и содержанием соответственно реформ и контрреформ в экономике с сопутствующей им перенастройкой управленческих структур в направлении к децентрализации или к централизации.

Рассмотрим отдельные составляющие компенсационной системы, имея в виду равнозначность каждой для мобилизационного развития. 1. Организация активной внешнеполитической экспансии и поощрение народной колонизации преследовали цель расширения экономического пространства цивилизации и введения в оборот дополнительных ресурсов. Отношение метрополии к населению окраин отличалось в различной степени лояльностью и содействием подъёму его общего культурного уровня [33]. Эти и ряд других предпочтений экономического и политического характера обеспечивали надёжность хозяйственных связей и альянса многочисленных народов вокруг русского этноса. Центральная власть имела возможность организовывать солидарную компенсацию потерь от кризисных явлений в том или ином регионе, что объективно содействовало устойчивости российской цивилизации [7, С. 55]. 2. Концентрация и перераспределение как методы управления нередко становились эффективными инструментами

экономного и рационального использования ресурсов в условиях господства государственной собственности (включая и собственность Кабинета Его Императорского Величества) и пополнения основной части бюджета страны за счёт доходов от гос. имущества [34]. В истории России их значение возрастало в периоды войн, ускоренного проектного развития отдельных регионов (Кузбасса, целинных районов, Тюменского Севера, Ангаро-Саянского комплекса, БАМа и других) [35], а также в обеспечении технологического прорыва в оборонных отраслях (космической, ракетно-ядерной и т.д.). Обратной стороной достигнутых успехов являлось длительное существование «неэффективных» зон жизнедеятельности, которые отдавали и обратно недополучали ресурсы. К подобному типу зон-аутсайдеров можно отнести сельское хозяйство, загрязнённую (истощённую) техногенную среду, культурно-бытовую сферу населения и сферу услуг, которые считались второстепенными отраслями, напрямую не связанными с укреплением обороноспособности страны. Их отложенные проблемы, в конечном итоге, замедляли рост качественных характеристик индустриализма. 3. Заимствование социальных новаций и технологических достижений западной цивилизации. С позиций теории модернизации Е.В. Алексеева установила и проанализировала впечатляющие масштабы всестороннего воздействия стран Западной Европы на историю России XVIII – начала XX в., у которой происходило периодическое замещение доминант национального влияния: Республики Соединённых провинций, Швеции, Великобритании, германских государств и Франции. Были типизированы каналы и механизмы диффузии инноваций в российскую среду и определены их основные агенты. Заимствования, как установила Е.В. Алексеева, явились «... насущной потребностью национального развития, гарантом суверенности державы» [36. С. 38]. Заимствования осуществлялись при участии властных структур как целенаправленно, с соревновательным выбором технических новинок, проектов, технологий организации, управления с последующим насильственным насаждением, так и в ходе естественного отбора модных нововведений. Данная практика позволяла государству в чрезвычайных и обыденных ситуациях воспользоваться готовыми рецептами, выработанными в иной цивилизационной среде, сэкономить на времени и затратах в случае их разработки собственными силами и получить механизм если не дальнейшего усиления экономико-культурного потенциала, то хотя бы временного решения возникших проблем. В России заим-

ствования как инструмент манипулирования иными новациями по мере их адаптации в обществе компенсировали недостатки автаркии как естественной экстенсивной экономической среды, в различной степени оказывая необратимое влияние на трансформацию отдельных систем цивилизации. 4. Компенсационную систему невозможно представить без популярных в недрах державной власти методов внеэкономического стимулирования трудовой активности различных слоёв населения, включая элиту. Их широкий спектр: эксплуатация энтузиазма, административный нажим, репрессии, солидарная ответственность, получение социальных благ, повышение формального статуса исполнителей с помощью наград, присвоения почётных званий и снижение статуса путём публичного порицания и другие, — позволял управленцам в нужный момент выбрать эффективные рычаги принуждения больших групп населения для выполнения поставленных задач. Живучесть указанных методов свидетельствовала об ограниченных возможностях экономических факторов в реализации текущих государственных и иных приоритетов. 5. В процессе успешной адаптации российского социума к внешним угрозам компенсационная система содействовала переводу мобилизационного развития из нестабильного режима управления в стабильный. Соответственно, периоды войн и перестроек общества отличались динамичным состоянием правящего слоя, в котором планка персональной ответственности с жёсткими санкциями за невыполнение возложенных обязанностей поднималась до уровня представителей центрального органа с последующими оргвыводами вниз по иерархической структуре. С ослаблением напряжённости в связи с переходом к средствам мирного (более демократического) разрешения внешнеполитических или внутренних проблем планка реальной персональной ответственности управленцев снижалась до их нижних звеньев. По этой причине создающаяся конкуренция внутри элиты всё более уступала место механической ротации кадров, менее продуктивной в части селекции специалистов по деловым качествам, способным хотя бы сохранить темпы инновационной динамики в масштабах отдельного региона или государства в целом.

В России, в условиях взаимовлияния чрезвычайных факторов, различных по характеру и длительности действия, после социального перенапряжения компенсационная система обеспечивала наступление относительно спокойных периодов, в течение которых общество восстанавливало свой энергетический потенциал и одновременно внутри

его вызревали источники будущей нестабильности. Механизм регулирования указанных состояний был установлен А.П. Прохоровым, разделившим векторы движения управленческой системы по фазам в хронологии XX столетия следующим образом: конец XIX – 20-е гг. XX в. – переход к нестабильности, 30–40-е гг. XX в. – нестабильность, 50–60-е гг. – переход к стабильности, 70-е – первая половина 80-х гг. – стабильность, вторая половина 80-х – 90-е гг. – переход к нестабильности [37, С. 134–158].

Одним из основных элементов указанного механизма автор выделяет существование дублирующих (параллельных) структур, призванных стимулировать активность, прямо или опосредованно контролировать государственные управленческие иерархии. К ним отнесены: партийные и религиозные институты; специальные согласительные комиссии, комитеты и палаты, созданные исполнительной властью самостоятельно или с участием общественности; комсомол; профсоюзы; народный контроль и другие, частично совмещавшие в себе функции и государства и гражданского общества. В периоды перехода и вступления социума в состояние нестабильности их значение существенно усиливалось. Так, с разрушением в 1917 г. монархического типа управления и при отсутствии в течение последующих нескольких десятилетий в органах государственной власти достаточного количества квалифицированных и одновременно преданных коммунистическим идеалам служащих, в России эффективно действовала дублирующая вертикаль партийной власти, возродившая государственность, выступившая гарантом многонационального социума. Заслуживает внимания утверждение В.Т. Рязанова о том, что КПСС (ВКП(б)), «...будучи партией «почвеннической», черты которой выработались в процессе приспособления к реальным российским условиям, на деле отстаивала самобытность и национальные ориентиры в экономике и в других сферах жизни» [31, С. 232].

Другим элементом механизма регулирования состояний управленческой системы являлись, по мнению А.П. Прохорова, процедуры делегирования полномочий низовым структурам по выполнению обязательств, навязанных властью отдельным социальным группам с использованием «круговой поруки». Таким способом государство, с учётом ориентации на общинную (артельную) систему отношений и психический склад народа, с помощью движений социалистического соревнования и других организационных форм коллективной ответственности минимизировало свои

усилия и подключало резервы гражданского самоуправления [37. С. 70–84]. В отечественной историографии, анализирующей дихотомические ряды в контексте сравнения с признаками инновационности западного общества, указанные компоненты мобилизационного типа развития нередко ассоциируются с Россией, именуемой «расколотовой» цивилизацией (по социокультурным основаниям, когда речь идёт о последствиях конфликта заимствованных новаций с неподготовленным историческим пространством). Её называют «полупериферией» или «догоняющей» стандарты стран-лидеров капиталистического лагеря и вовлечённой в межцивилизационный марафон – «кто не успел, тот опоздал» – на пути к ценностям технократического либерализма [38, 39. С. 434–435]. Вышеизложенный материал показывает, что МТР не является аномалией или тенденцией постоянного аутсайдера в ряду европейских государств. В реальности, до 1991 г. «догоняющая» риторика партийных лозунгов времён СССР, воспринятая современными исследователями с позиций европоцентризма как указатель удалённости и одновременно направления движения общества к достижениям развитых капиталистических стран, определяла более понятный для простого человека путь дальнейшего экстенсивного роста экономики в привычном образе соревнования и совсем не имела в виду переход на измерение советской действительности по шкале западных ценностей. Таким образом, как показывают историографические источники, исследователи выделяют и анализируют конкретные сочетания неблагоприятных для жизнедеятельности условий на территории российской цивилизации, под влиянием которых воспроизводилась устойчивая практика административной опеки всех сфер жизни, организации и поощрения российским государством коллективных начал в общественно значимых видах деятельности с централизованным регулированием ресурсов и концентрацией социального напряжения, особенно в чрезвычайные периоды войн и реализации крупных экономических проектов. В XX столетии эта тенденция развития, отнесённая к мобилизационному типу, обеспечила независимое политическое и экономическое состояние цивилизации, высокие темпы роста научных знаний, новый уровень медицинского обслуживания, улучшение структуры и качества питания, образования, социальной защиты населения, повышение продолжительности жизни и другие достижения.

Как любой масштабный и продолжительный опыт хозяйствования, мобилизационный тип развития включает в себе альтернативы эффектив-

ного решения многих проблем человечества. На внутриконтинентальных просторах трёх великих равнин Евразии он предопределил особую скорость течения и сущность социализации природной среды в рамках глобального процесса преобразования людьми её вещества и энергии в индустриальные по структуре и содержанию формы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2006. 54 с.
- 2 Пахомов П.В. Детерминанты становления власти как основного субъекта русской истории // *Философия и общество*. 2007. №4. С. 131–140.
- 3 Галкин А.А. Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // *Коммунист*. 1990. № 18. С. 23–33.
- 4 Фоотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. 272 с.
- 5 Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН; Издательство АНО, 2006. 446 с.
- 6 Лубский А.В. Конфликтотенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 192 с.
- 7 Олейников Ю.В. Природный фактор бытия российского социума. М., 2003. 258 с.
- 8 Никифоров В.П. Особенности политической модернизации общества в условиях мобилизационного типа развития России: Автореф. дис. ... канд. политол. наук. М., 2001. 22 с.
- 9 Ушакова С.Н. Социальная мобилизация как системная характеристика советского общества. Режим доступа: <http://history.nsc.ru/publ/1/html/ushakova.htm>
- 10 Алексеев С.Е., Камынин В.Д. Индустриализация как фактор модернизации Урала в конце 1920-х – 1930-е гг.: взгляд современных историков // *Урал в контексте российской модернизации: Сборник статей*. Челябинск, 2005. С. 25–37.
- 11 Соловьёв С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1990. 768 с.
- 12 Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. // *История СССР*. 1959. № 1. С. 53–86.
- 13 Милов Л.В. Великолорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
- 14 *Аграрная история Северо-Запада России*. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / Рук. авторского кол. А.Л. Шапиро. Л., 1971–1978. Т. I–IV.
- 15 Новосельцев А.П., Пауто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972. 307 с.
- 16 *Круглый стол*. Обсуждение книги Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса». М., 1998. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Departments/HisTheory/Ed2/kurgst2.htm>
- 17 Савкин И. Интервью с Л.Н. Гумилёвым // *Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации*. М., 1993. С. 25–32.
- 18 Милов Л.В. Особенности исторического процесса в России // *Альманах «Восток»*. Вып. 2 (14), февраль 2004 г. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_257.htm
- 19 Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2003. 608 с.

- 20 Кульпин Э.С. Становление системы основных ценностей Российской цивилизации // История и современность. 2008. № 1. С. 49–75.
- 21 Марцева Л.М. Труд в контексте Российской цивилизации. (Социально-философский аспект): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2002. 42 с.
- 22 Кульпин Э.С. Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 88–98.
- 23 Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: Сборник материалов конференции / Под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. Режим доступа: <http://history.nsc.ru/kapital/project/modern/020.html>
- 24 Шиловский М.В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX – начале XX века: к постановке проблемы / Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2007. Режим доступа: <http://history.nsc.ru/kapital/project/conf2007/index.html>
- 25 Грик Н.А. Политика и экономика Советского государства в 1921–1933 гг.: критический анализ: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2003. 32 с.
- 26 Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы. Режим доступа: http://www.xrh.ru/e107_plugins/content/content.php?content
- 27 Интервью с В.Т. Рязановым / Т.А. Девятова. Режим доступа: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1530>
- 28 Щекотихин В.Н. Этатизм как одна из теорий взаимоотношения государства и гражданского общества. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/NNM_2006/Politologia/16690.doc.htm
- 29 Шкурко Н.С. Социокультурные истоки российского этатизма: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Якутск, 2000. 22 с.
- 30 Майминас Е.З. О социально-экономических особенностях развития России // Общественные науки и современность. 1998. №3. С. 116–123.
- 31 Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. 797 с.
- 32 Семенов А.В. Теоретические основы цикличности социально-экономического развития (институциональный аспект): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005. 54 с.
- 33 Кожин В.В. Россия как уникальная цивилизация и культура // Эл. журнал «Альманах «Восток». №1, апрель 2003 г. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_16.htm
- 34 Корытцев М.А. Механизмы перераспределения и мобилизации в контексте господства института власти – собственности в России: исторические параллели и вызовы времени. // Эл. журнал «Историко-экономические исследования». 2007. Т. 8, №2. Режим доступа: http://jh.isea.ru/2007--8_2/1-3.asp
- 35 Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск: Параллель, 2007. 287 с.
- 36 Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 40 с.
- 37 Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: Эксмо, 2006. 384 с.
- 38 Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М.: Academia – Наука, 1999. 740 с.
- 39 Афанасенко И.Д. Русская цивилизация. История развития. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2006. 506 с.